

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1615

К. И. Казенин, В. А. Козлов, Е. С. Митрофанова

КАК ИЗМЕНЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВЛИЯЮТ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ? СЛУЧАЙ ИНГУШЕТИИ

Правильная ссылка на статью:

Казенин К. И., Козлов В. А., Митрофанова Е. С. Как изменения гендерных и межпоколенческих отношений влияют на демографическое поведение? Случай Ингушетии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 342—365. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1615>.

For citation:

Kazenin K. I., Kozlov V. A., Mitrofanova E. S. (2020) How Gender and Intergenerational Relations Affect Demographic Behavior: The Case of Ingushetia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 342—365. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1615>. (In Russ.)

КАК ИЗМЕНЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВЛИЯЮТ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ? СЛУЧАЙ ИНГУШЕТИИ

КАЗЕНИН Константин Игоревич — кандидат филологических наук, директор Центра региональных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: kz@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>

КОЗЛОВ Владимир Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры демографии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: vakozlov@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1788-1484>

МИТРОФАНОВА Екатерина Сергеевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: emitrofanova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3322-5922>

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния гендерных и межпоколенческих отношений на брачно-репродуктивное поведение. Это влияние рассматривается на примере Республики Ингушетия, одного из северокавказских регионов, в семейном укладе населения которого межпоколенческие и гендерные асимметрии играют значимую роль. Анализируются результаты количественного опроса женщин репродуктивного возраста, проведенного в Ингушетии в 2019 г. Как показал анализ, ряд параметров,

HOW GENDER AND INTERGENERATIONAL RELATIONS AFFECT DEMOGRAPHIC BEHAVIOR: THE CASE OF INGUSHETIA

*Konstantin I. KAZENIN*¹ — *Cand. Sci. (Philol.), Head of Department of regional studies; Associate Professor, Department of Demography*
E-MAIL: kz@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>

*Vladimir A. KOZLOV*² — *Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Demography*
E-MAIL: vakozlov@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1788-1484>

*Ekaterina S. MITROFANOVA*² — *Ph.D., Senior Lecturer*
E-MAIL: emitrofanova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3322-5922>

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the impact of gender and intergenerational relations on nuptial and marriage behavior in the Republic of Ingushetia, one of the Northern Caucasus region characterized by intergenerational and gender asymmetries in family life patterns. The authors analyze the results of a quantitative survey carried out among reproductive women in Ingushetia in 2019. The analysis shows that a number of parameters indicative of a woman's self-dependence (having a job and educational background) and the degree of female

характеризующих экономическую самостоятельность женщины (наличие работы и образования), а также степень ее зависимости от старших родственников в принятии значимых жизненных решений обнаруживают статистическую связь с вероятностью вступления женщины в брак и рождения первого ребенка. При этом «направление» связи не всегда такое, как предсказывают имеющиеся теории. В частности, большая степень «традиционализма» гендерных и межпоколенческих отношений, как показал опрос, предполагает не более раннее, а, наоборот, более позднее вступление в первый брак. Авторы обсуждают возможные причины таких нестандартных результатов, уточняющих имеющиеся представления о возможном влиянии гендерных и межпоколенческих отношений на демографические процессы.

Ключевые слова: гендерные отношения, межпоколенческие отношения, рождаемость, брачность, Северный Кавказ, количественные опросы

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Авторы благодарят Дмитрия Rogozina и Надежду Галиеву за помощь в проведении телефонного опроса

1. Введение

Исследование демографических тенденций в переходных обществах, то есть обществах, в которых ныне живущие поколения были свидетелями серьезных изменений экономической, политической, культурной ситуации, представляет значительный интерес и для демографии, и для социологии. Анализ данных по разным регионам мира показал, что масштабные социальные трансформации редко оставляют «нетронутыми» имеющиеся у населения демографические

dependence on elder relatives in making important life decisions discover a statistical relationship with the likelihood of entering into a marriage and having a first child. However the “direction” of this relationship is not always predicted by the available theories. In particular, the survey shows that a larger degree of “traditionalism” in gender and intergenerational relations implies a later entry into the first marriage rather than an earlier one. The authors discuss possible reasons behind such unusual results detailing the existing ideas about possible impact of gender and intergenerational relations on demographic processes.

Keywords: gender relations, intergenerational relations, fertility, nuptiality, North Caucasus, quantitative surveys

Acknowledgments. The article is part of a research work under a state assignment to RANEPА.

The authors express their gratitude to Dmitri Rogozin and Nadezhda Galieva for help with the telephone survey.

предпочтения. Так, они часто меняют преобладающие в обществе взгляды на то, какое количество детей в семье оптимально, в каком возрастном промежутке мужчине и женщине лучше всего вступить в первый брак, а также, например, восприятие обществом таких явлений, как бездетность, незарегистрированное партнерство и т. п. Подобные изменения влекут за собой и сдвиги в реальном демографическом поведении. В частности, ключевые демографические перемены в развитых странах в последние два столетия, известные как Первый и Второй демографические переходы, современными исследователями рассматриваются как следствие масштабных трансформаций ценностей и представлений о семейном укладе, доминирующих в обществах, в которых они происходили (см., например, [Lesthaeghe, 1983; Lesthaeghe, Surkyn, 1988; Демографическая модернизация России, 2006]). Однако характер взаимосвязи между такими трансформациями и демографическими процессами изучен пока для довольно ограниченного числа стран, и для того, чтобы получить более полную картину этой взаимосвязи, необходимо рассмотреть ее в гораздо большем числе переходных обществ.

В свете этой задачи особый интерес представляют те регионы, которые на момент распада СССР отличались высоким уровнем семейного «традиционализма». Под ним мы здесь понимаем действие в семье жестких межпоколенческих и гендерных асимметрий, утверждающих преимущественные права в семье старшего поколения и членов семьи мужского пола. Это относится, в частности, к регионам Северного, в особенности Северо-Восточного Кавказа. В Дагестане, Чечне и Ингушетии на начало 1990-х годов семейный уклад коренных этносов характеризовался значительно большей «традиционностью», чем в большинстве других частей России, и одновременно эти регионы отличались от страны в целом в демографическом отношении, прежде всего — более высокой рождаемостью [Белозеров, 2005; Казенин, Козлов, 2016]. Постсоветские социальные изменения в этих регионах, в том числе в семейной сфере, носили разнонаправленный характер, отчасти ослабляя традиционные семейные нормы, а отчасти, наоборот, укрепляя их [Стародубровская, 2019]. Многовекторная социальная трансформация на Северном Кавказе в 1990-е — 2010-е годы включала и распад традиционных сельских общин в результате массовой миграции в города [Карпов, Капустина, 2011], и рост социальной роли религии [Кисриев, 2004], и частичное возрождение норм традиционного права при разрешении конфликтов [Варшавер, Круглова, 2015; Казенин, 2015], то есть образовывалось сложное сочетание *детрадиционализации* и *ретрадиционализации* общественного уклада, проявлявшееся в том числе на уровне семьи. Исследованию вопроса о том, как социальные изменения в этих переходных обществах влияли на демографическое поведение населения, посвящена настоящая статья.

Представленное в статье эмпирическое исследование ограничено одним регионом Северо-Восточного Кавказа — Ингушетией. Концентрация на одном регионе оправдана в силу значительных различий между Ингушетией, Чечней и Дагестаном по социальным и демографическим характеристикам, что заставляет отдельно рассматривать эмпирический материал каждого региона. Будет рассмотрено влияние особенностей семейного уклада современной Ингушетии на два демографических события — вступление женщины в первый брак и рождение женщиной первого ребенка. Выбор этих событий связан с тем, что, как показывают иссле-

дования обществ традиционного уклада в разных частях мира, действие жестких гендерных и поколенческих иерархий в семье часто предписывает вступление женщин в брак в строго определенном возрастном промежутке, а также делает бездетность женщины или малое количество детей социально осуждаемым явлением (см., например, [Lerch, 2013] для Албании, [Morgan, Niraula, 1995] для Непала и мн. др.). Представляет интерес то, как изменились эти нормы в Ингушетии в ходе специфичных для региона постсоветских трансформаций организации семьи.

Для изучения влияния гендерных и межпоколенческих иерархий на брачно-репродуктивную биографию женщин проведен количественный опрос жительниц Ингушетии в возрасте 16—45 лет. Для проверки гипотез о влиянии особенностей семейного уклада на брачность и рождаемость выбран статистический метод «Анализ наступления событий» (регрессии Кокса). Этот метод позволил изучить связь между брачностью и рождаемостью с одной стороны и социодемографическими характеристиками женщин и их семей с другой.

Статья построена следующим образом. В разделе 2 содержится краткий обзор имеющихся на сегодня результатов исследований взаимосвязи гендерных и поколенческих асимметрий в семье с параметрами брачно-репродуктивного поведения. В разделе 3 суммируются результаты исследований изменений семейного уклада в регионах Северного Кавказа в последние советские и в постсоветские десятилетия. В разделе 4 приводятся основные демографические данные о брачности и рождаемости в Ингушетии в 1990-е — 2010-е годы. Далее в разделе 5 описывается проведенное количественное исследование, в разделе 6 даны его основные дескриптивные результаты, а в разделе 7 представлен статистический анализ, использующий модели пропорциональных рисков. Наконец, в разделе 8 читатель найдет обсуждение результатов анализа.

2. «Традиционализм» семейного уклада, брачность и рождаемость: гипотезы о взаимосвязи

Взаимосвязи между гендерными и межпоколенческими отношениями в обществе с одной стороны и рождаемостью с другой посвящена обширная литература. Краткий обзор, предлагаемый в настоящем разделе, не претендует на ее полный охват, а выделяет два направления, наиболее широко представленных в исследованиях последних десятилетий. Они несколько различаются по используемым базовым понятиям и по тем конкретным аспектам семейного уклада, связь которых с рождаемостью они исследуют.

Первое направление изучает связь рождаемости с «возможностями женщин» (women's empowerment) в социуме [Mason, 1987; Larsen, Hollos, 2003; Lopez-Claros, Zahidi, 2005; Mosedale, 2005; Beteta, 2006; Phan, 2016 etc.]. Возможности, о которых идет речь, включают в себя:

- возможность получить образование;
- возможность иметь оплачиваемую работу за пределами своего домохозяйства;
- возможность влиять на значимые решения, принимаемые в семье;
- возможность самостоятельно принимать решения, касающиеся своего здоровья и в целом телесной сферы.

Анализ данных многих стран мира показывает, что расширение возможностей женщин в перечисленных сферах ведет к сокращению рождаемости (наиболее «свежий» обзор исследований на эту тему см. в [Phan, 2016]). Так, рост шансов женщин на получение образования, по крайней мере за пределами стран с наиболее развитой системой поддержки семей с учащимися и работающими матерями, ведет к тому, что у женских поколений, чьи образовательные возможности больше, чем у предыдущих, уровень рождаемости будет ниже. Один из механизмов этой взаимосвязи заключается в сдвиге вступления в брак и рождения первого ребенка к более старшим возрастам из-за получения женщиной образования [Bongaarts, Mensch, Blanc, 2017]. Такой возрастной сдвиг, в свою очередь, ведет к сокращению «итоговой» рождаемости поколений. Кроме того, многодетность остается для женщины одним из немногих путей обеспечить себе солидный социальный статус, когда в обществе затруднен доступ женщин к образованию и на рынок труда (см. [Sulway, 2007]). Когда эти барьеры ослабевают, «заработать» свой социальный статус становится возможным более разнообразными путями, что приводит к снижению рождаемости. Механизм «обратного» влияния рождаемости на шансы женщин в сфере образования и на рынке труда состоит в том, что при сокращении количества детей в семье родители с большой вероятностью отказываются следовать жестким гендерным ограничениям, даже если таковые действенны в данном обществе, и вкладывают больше ресурсов в образование дочерей, а это, в свою очередь, очевидно, повышает и шансы последних на рынке труда [Wu, Ye, He, 2014].

Что касается связи между ролью женщины в семье и рождаемостью, то ряд исследований показывает, что в обществах, где положение женщины в семье крайне зависимое, решения о продолжении деторождения в супружеских парах практически единолично принимаются мужем, часто заинтересованным в максимальном количестве детей (ср. [Kabeer, 2005] для ряда стран Южной Азии; [Malhotra, Vanneman, Kishor, 1995] для Индии). Отсутствие автономии женщины в вопросах своего здоровья также ограничивает ее право настаивать на использовании контрацепции, что, разумеется, служит фактором, повышающим рождаемость [Phan, 2016].

В целом подход, использующий в качестве ключевого понятия возможности женщин, ориентируется на «объективные» характеристики положения женщины в обществе и на их связь с рождаемостью. Достоинства этого подхода в том, что все используемые им характеристики могут быть достаточно легко «измерены» в ходе социологических исследований. Исследование переходных обществ позволяет эффективно проверить гипотезы о связи этих характеристик с рождаемостью, определив, ведет ли расширение возможностей женщин в социуме к сокращению числа рождений на одну женщину.

Второй подход, который также достаточно распространен в современных исследованиях взаимосвязи гендерных и межпоколенческих отношений с рождаемостью, в качестве базового понятия использует понятие патриархальности [Gruber, Szoftoysek, 2012; Lerch, 2013]. Под патриархальностью понимается действие в обществе ценностных установок, закрепляющих преимущества мужчин над женщинами и старших поколений над младшими. Отметим, что при таких ценностных установках ожидают существенные ограничения тех возможностей женщин,

о которых шла речь выше. Однако есть и другие, быть может, менее очевидные пути влияния патриархальных ценностных установок на рождаемость. Во-первых, патриархальность предполагает проживание молодой семьи в доме родителей мужа или, по крайней мере, на малом расстоянии от него (*вирилокальность*). В этом случае вступление в брак требует переезда женщины в новую местность, где она должна «вписаться» в новую для себя среду и систему отношений. Ее шансы на какую-либо самостоятельную экономическую активность в таких условиях весьма невелики, а деторождение оказывается основным способом гарантировать себе стабильное положение в семье мужа, поддержку от его родственников, от которой существенно зависят ее жизненные перспективы [Mason, 1987]. Во-вторых, активное социальное взаимодействие между старшими и младшими поколениями взрослых, требуемое патриархальными нормами, позволяет супружеской паре рассчитывать на поддержку «расширенной семьи» мужа, тем самым сокращает издержки и риски, связанные с воспитанием детей, и поддерживает высокую рождаемость. В-третьих, патриархальные нормы часто предполагают значительный возрастной разрыв между мужем и женой [Dyson, Moore, 1983]. Это также закрепляет зависимое положение женщины в семье и ограничивает ее возможность влиять на решения о деторождении, об использовании контрацепции и т. д. Наконец, в условиях патриархальности рождение ребенка мужского пола имеет преимущественную ценность, что заставляет супружеские пары продолжать деторождение до тех пор, пока не родится «наследник», это может приводить к увеличению уровня рождаемости [Guilmoto, 2012; Morgan, Niraula, 1995].

Также в литературе показано, что сильные позиции патриархальных норм в социуме могут быть фактором, не только повышающим рождаемость, но и понижающим возраст женщины при вступлении в первый брак и при рождении первого ребенка (см. [Malhotra, Vanneman, Kishor, 1995] для Индии, [Казенин, Козлов, 2016; 2017] для Дагестана; в целом можно отметить, что связь патриархальности с возрастными характеристиками брачно-репродуктивного поведения изучена для меньшего числа стран и регионов, чем ее связь с уровнем рождаемости). Такая взаимосвязь ожидаема по крайней мере по трем причинам. Во-первых, «нормативный» низкий уровень образования женщин в патриархальных обществах способствует ранним бракам. Во-вторых, гендерные асимметрии в семье, закрепляя за мужчиной роль «добытчика» и требуя от него соответствующих возможностей, могут делать нежелательным слишком молодой возраст жениха при заключении брака, но не влияют таким образом на возраст невесты. В-третьих, роль старшего поколения при заключении браков, характерная для патриархальных обществ, дает возможность родственникам договариваться о выдаче замуж девушек, в силу возраста не готовых принимать такие решения самостоятельно.

Итак, представленный здесь краткий обзор имеющихся исследований взаимосвязи гендерных и межпоколенческих отношений с характеристиками брачности и рождаемости демонстрирует, что механизмы этой взаимосвязи могут быть разнообразными. Мы рассмотрели результат исследований взаимосвязи свойств брачно-репродуктивного поведения с двумя группами признаков, касающихся гендерных и поколенческих асимметрий: признаков, касающихся возможностей женщин в социуме, и признаков патриархальности. Очевидно, что обе группы признаков

отражают различные аспекты традиционализма семейного уклада или, соответственно, отхода от него. В целом результаты различных исследований совпадают в том, что более выраженные контрасты в социальном положении мужчин и женщин, а также в социальном положении старших и младших поколений позволяют ожидать более высокий уровень рождаемости и более молодой возраст женщин при вступлении в брак и рождении первого ребенка. Ниже, описывая методику нашего исследования, отдельно рассмотрим вопрос о том, какие из индикаторов гендерных и поколенческих асимметрий имеет смысл рассматривать именно на Северном Кавказе применительно к их возможному влиянию на рождаемость.

3. Северный Кавказ: изменения традиционного семейного уклада

При всех различиях исторического пути разных республик Северного Кавказа в советское и постсоветское время, важная общая особенность этого региона состоит в том, что изменения традиционного семейного жизненного уклада начались там позже, чем аналогичные процессы в большинстве других частей России. Одна из наиболее очевидных причин этого (как можно предположить, вовсе не единственная) состоит в том, что по крайней мере вплоть до 1960-х годов среди коренных народов Северного Кавказа доля сельского населения была значительно выше, чем в целом по стране, причем в сельской местности Северного Кавказа этносы расселены в основном компактно: на горных территориях преобладают моноэтнические населенные пункты, в предгорьях и на равнине таковых гораздо меньше, но тенденция к компактному проживанию разных народов все равно сохраняется [Белозеров, 2005]. Такой характер расселения способствовал сохранению интенсивных контактов между родственниками, традиционных механизмов самоорганизации сельской общины. Эти устои в целом не были поколеблены даже насильственными переселениями (депортациями) ряда северокавказских народов в сталинское время [Полян, 2001]. Сельскохозяйственное производство, весьма ограниченно модернизированное в советский период на Северном Кавказе, закрепляло жесткое разделение гендерных ролей на уровне сельской общины и семьи.

Постепенное размывание существовавшего на Северном Кавказе социального порядка началось с 1960-х годов, когда стала расширяться миграция горского населения на равнину и сельского населения в города ([Карпов, Капустина, 2011]; см. также [Казенин, 2012; 2019а]). Последствия этого переселения были весьма неоднородными для социальных отношений в среде коренных этносов. В целом такая миграция неизбежно вела к ослаблению родственных, общинных связей, как следствие — и к более ограниченной социальной роли старшего поколения (на ослабление традиционной роли старшего поколения влияли также существенные различия социального опыта «отцов», выросших на селе, и «детей», социализировавшихся в городах, см. [Стародубровская, 2019]). Однако, как показано в [Карпов, Капустина, 2011] на примере Дагестана, у миграции разных этносов или даже выходцев из разных сёл это «детрадиционализирующее» влияние имело разную силу: в некоторых случаях мигранты сохраняли интенсивные внутриобщинные связи на новом месте жительства, что способствовало и сохранению в их повседневной жизни привычных гендерных и поколенческих асимметрий. Это создало большое разнообразие социального и, в частности, семейного уклада

на равнине, в том числе в городах, особенно с ростом миграции в постсоветский период. При этом и сельские территории различались по степени эрозии традиционных поколенческих и гендерных отношений, вызванной как разложением традиционных форм сельскохозяйственного производства, так и интенсивными контактами горцев с родственниками, переехавшими на новые места жительства. Исламское возрождение, начавшееся на Северном Кавказе в постсоветский период, также имело неоднозначные последствия для семейного уклада: с одной стороны, повышение роли религии делало ее мощным противовесом «либерализации» отношений между полами, а с другой стороны, внутррелигиозные конфликты, особенно связанные с появлением новых для региона исламских течений, наиболее активно исповедуемых молодежью, расшатывало традиционные поколенческие асимметрии [Кисриев, 2004].

Особенность Северо-Восточного Кавказа, к которому относится и Ингушетия, состоит в том, что первые 10—20 постсоветских лет знаменовались там критическим ослаблением всех государственных институтов, быстрым распадом большинства существовавших ранее промышленных предприятий, ростом влияния криминальных кланов и незаконных вооруженных формирований. В Ингушетии эта ситуация дополнительно осложнялась, во-первых, тем, что как отдельный регион она начала фактически «с нуля» формироваться уже после распада СССР, а во-вторых, ситуация в ней была предельно дестабилизирована после того, как в ходе конфликта в Пригородном районе в октябре-ноябре 1992 г. республика приняла десятки тысяч вынужденных переселенцев ингушской национальности из Северной Осетии. Кроме того, Ингушетия в большей степени, чем другие соседствующие с Чечней регионы, ощутила на себе дестабилизирующее влияние сепаратизма и военных действий в этой республике. В литературе неоднократно отмечалось, что подобный обвал государственных институтов и системы общественной безопасности может вести к «архаизации», «ретрадиционализации» общественных отношений, к возрождению или укреплению традиционных неформальных институтов на уровне семьи, рода как дающих некоторую защиту, не получаемую в новых условиях от государства ([Ахиезер, 2001]; о процессах «ретрадиционализации» в некоторых других частях постсоветского пространства см. [Nedoluzhko, Agadjanian, 2015]). Хотя имеющиеся исследования не позволяют определить, насколько в Ингушетии можно говорить именно о таком «возвратном» усилении традиционных семейных норм в постсоветский период, они вполне ясно указывают, что эти нормы в 1990—2010-е годы занимали в ингушском социуме весьма важное место [Павлова, 2012]. В частности, налицо в этот период важная организующая роль родов (фамилий), установка на однозначно главенствующую роль мужчин в семье, активное использование норм традиционного и религиозного права при решении различных конфликтов, включая семейные, и т. д. Предположение и том, что эти характеристики ингушского социума сегодня совершенно статичны, было бы ошибочным — ср. [Стародубровская, Казенин, 2019], где ставится под вопрос «работоспособность» родовых структур в условиях общественно-политического противостояния, имевшего место в Ингушетии осенью 2018—весной 2019 г. Однако в целом «вес» традиционных норм организации семьи в сегодняшней Ингушетии остается весьма значительным.

4. Ингушетия: основные тенденции брачности и рождаемости в постсоветский период

В данном подразделе резюмируются сведения о рождаемости и брачности в постсоветской Ингушетии, содержащиеся в официальных источниках — результатах Всероссийских переписей населения (ВПН) 2002 и 2010 гг., а также данных текущего учета Росстата. Следует особо подчеркнуть, что к приведенным данным приходится относиться с большой осторожностью из-за отмечаемых многими исследователями проблем с официальной статистикой населения на Северном Кавказе [Андреев, 2012; Мкртчян, 2019]. Тем не менее официальные данные являются наиболее полным источником по демографическим процессам в исследуемом регионе.

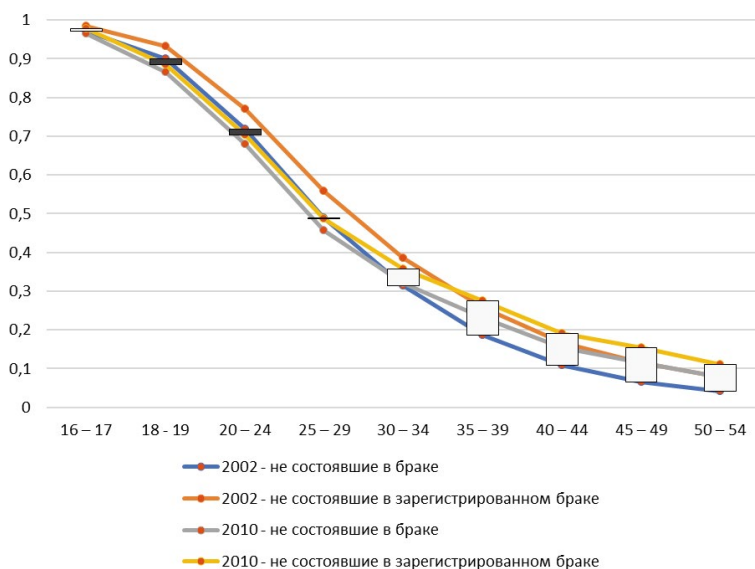

Рис. 1. Доли женщин, никогда не состоявших в браке и никогда не состоявших в зарегистрированном браке, в Ингушетии, 2002 и 2010 г.¹

Данные ВПН 2002 и 2010 г. позволяют вычислить доли женщин с разным брачным состоянием по возрасту на момент переписи. На рисунке 1 показаны доли никогда не состоявших в браке, а также доли никогда не состоявших в зарегистрированном браке по возрастным группам для двух переписей. Можно видеть, что данные обеих переписей указывают на достаточно позднюю возрастную модель брачности: доля вступивших в брак достигает половины только в возрастном промежутке 25—29 лет. При этом в возрастах до 30 лет доля не вступивших в брак, согласно ВПН 2010 г., была несколько ниже, чем согласно ВПН 2002 г., а в старших возрастах, наоборот, расчеты на основе ВПН 2010 г. указывают на более высокую долю не вступивших в брак по сравнению с ВПН 2002 г. Кроме того, по данным

¹ Источник: рассчитано авторами по данным ВПН 2002 и 2010 г.

ВПН 2002 г., разрыв между долями никогда не состоявших в браке и никогда не состоявших в зарегистрированном браке был больше, чем по данным ВПН 2010 г. Учитывая, что незарегистрированные браки в Ингушетии — это преимущественно браки, скрепленные только по мусульманскому обряду, различия можно интерпретировать как нарастающую к ВПН 2010 г. тенденцию к государственной регистрации религиозных браков. Для возрастных характеристик брачности важен также расчетный средний возраст вступления в брак (Singulate Mean Age at Marriage, SMAM) (методика его расчета приведена в [Hajnal, 1953]). Этот показатель, рассчитанный по данным ВПН 2002 г., составил для женщин 26,06 лет, а по данным ВПН 2010 г. — 25,10 лет. Хотя снижение этого возрастного показателя на год менее чем за десятилетие может рассматриваться как свидетельство быстрого омоложения брачности, в 2010 г. SMAM для женщин в Ингушетии оставался, как и в 2002 г., более чем на два года выше общероссийского (подробнее о возрастных тенденциях брачности в Ингушетии см. [Kazenin, 2019]).

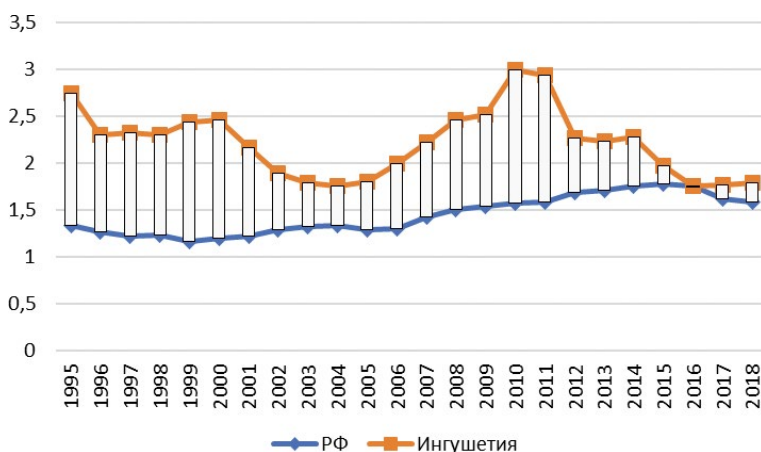

Рис. 2. Коэффициент суммарной рождаемости, РФ и Ингушетия, 1995—2018 (источник: Росстат)

5. Данные

Количественный опрос женщин проводился путем телефонных интервью. Отметим, что в рамках проводимых авторами исследований на Северном Кавказе этот метод был применен впервые, ранее опросы проводились путем личного интервьюирования. Обращение к телефонному опросу было связано с рядом проблем с оценкой достоверности результатов опросов, проведенных путем личного интервьюирования в северокавказских регионах, в частности, со значительной вероятностью ориентации респондентов на «социально желательные» ответы [Kazenin, Kozlov, 2020b].

Телефонный опрос был проведен в мае 2019 г. Им были охвачены женщины, которым на момент опроса было 16—45 лет. Всего в результате опроса были получены интервью с 836 женщинами (общее число отказов женщин данного возраста от интервью и незаконченных интервью составило 3052). При анализе данных опроса мы сопоставляли поколения по годам рождения со следующим

разбиением на пятилетние когорты: 1973—1977, 1978—1982, 1983—1987, 1988—1992, 1993—1997, 1998—2003 гг.

Охарактеризуем основные блоки вопросов, содержащихся в анкете. Первый блок составляли вопросы о биографии женщины. Они касались даты и места рождения, миграционной истории, семейного положения, возраста вступления в первый брак, количества детей, пола каждого ребенка и даты его рождения, материального положения семьи. Также в этот блок входили вопросы об уровне образования женщины; о том, была ли у нее работа на момент опроса и, если была, в государственной, частной организации или она была самозанятой; а также о том, работала ли она после вступления в брак.

Второй блок анкеты включал вопросы, касающиеся положения женщины в ее семье. Вопросы имели целью выявление именно тех характеристик семейного уклада, которые (в соответствии с гипотезами, представленными в разделе 2) могут быть значимы для брачности и рождаемости. Как замужним, так и незамужним женщинам задавались вопросы о том, требуется ли им одобрение старших родственников при принятии различных жизненных решений (крупных покупках, выходе на новую работу, переезде в другой регион и т. д.). Эти вопросы были базовыми для выявления межпоколенческих отношений в семье женщины. Женщинам, состоящим на момент опроса или ранее состоявшим в браке, задавалась и другая группа вопросов, касавшихся межпоколенческих отношений, а именно, вопросы об участии старших родственников в их браке: сама ли женщина познакомилась с будущим супругом или их познакомили родственники; сама ли она приняла решение о замужестве или последовала совету родителей (если женщина дважды выходила замуж, вопросы касались первого брака, при заключении которого участие старших родственников более ожидаемо).

Что касается вопросов о гендерных отношениях, то большинство из них задавалось только женщинам, состоящим на момент опроса в браке. Для женщин, не состоящих в браке, «традиционализм» семейного уклада был ожидаем в отношениях со старшими родственниками и, соответственно, его детекторами служили вопросы о межпоколенческих отношениях. Гендерные асимметрии в супружеской паре «измерялись» вопросами о том, работала ли женщина в какой-либо период после вступления в брак, вносит ли она вклад в доход семьи. Перспективы женщины на рынке труда вне зависимости от действующих в ее семье норм позволял оценить вопрос о ее уровне образования, который задавался всем респондентам. Также всем респондентам задавался вопрос, позволяющий раскрыть их идеальное представление о разделении ролей между супругами в семье: «С Вашей точки зрения, сегодня лучше, чтобы муж полностью обеспечивал доход семьи или чтобы работали и муж, и жена?»

Самостоятельный блок вопросов касался личной религиозности женщины. Как уже было отмечено выше, для сегодняшнего Северного Кавказа в целом неверным видится представление о том, что высокий уровень религиозности обязательно способствует консервации семейного «традиционализма». Однако выше также говорилось, что современные исследования социального уклада Ингушетии подтверждают важную роль религии как осознаваемого значительной частью населения источника действующих норм взаимоотношений в семье.

При этом для некоторых других регионов Северного Кавказа была обнаружена значимая связь личной религиозности женщины с различными параметрами ее брачно-репродуктивного поведения (см. [Казенин, Козлов, 2017] для Дагестана; ср. также исследования других регионов мира, обнаружившие значимую связь между параметрами религиозности населения и уровнем рождаемости, — [Knodel et al., 1999, Westoff, Frejka, 2007, Heaton, 2011]). Вопросы о личной религиозности и ценностных ориентирах женщины касались совершения женщиной обязательной для мусульман ежедневной пятикратной молитвы (намаза), соблюдения мусульманского поста (уразы), а также того, считает ли женщина важным дать детям хорошее образование и религиозное воспитание.

Кроме этого, в анкету включались вопросы, с помощью которых можно было установить основные социально-демографические характеристики женщины и домохозяйства, в котором она проживает. К таковым относились вопросы о городском и сельском проживании (поскольку многочисленные исследования рождаемости в разных регионах мира указывают на значимость для последующей рождаемости той среды, в которой прошла первичная социализация будущей матери, вопросы задавались о проживании в городе или на селе не только на момент опроса, но и на момент учебы в последнем классе школы); вопросы о материальном положении семьи (закрытый вопрос с пятью вариантами ответа, см. раздел 6). Также задавался вопрос о частоте пользования интернетом, которая может служить показателем доступа женщины к источникам информации о социальных нормах, альтернативных действующим в ее ближайшем окружении.

С учетом вышеописанного состава вопросов анкеты при статистическом анализе результатов опроса использовались следующие дихотомические параметры, характеризующие положение женщины в семье и ее ценностные установки (два последних по порядку параметра были применимы только к замужним, остальные — ко всем респондентам):

- наличие у женщины (полного или неполного) высшего образования;
- наличие у женщины работы на момент опроса;
- необходимость получить одобрение старших родственников для перехода на другую работу или для совершения крупной покупки (объединенный дихотомический параметр, получавший значение 1, если одобрение требуется хотя бы для одного из этих действий, и значение 0 в противном случае);
- определение варианта, при котором муж полностью обеспечивает доход семьи, в качестве наилучшего;
- признание важности религиозного воспитания детей;
- самостоятельное принятие решения о вступлении в первый брак (в противоположность решению по совету родственников);
- наличие трудовой деятельности за пределами домохозяйства после вступления в брак.

Кроме того, в качестве контрольных параметров при статистическом анализе результатов опроса использовались:

- год рождения женщины (по пятилетним группам, см. выше);
- городское/сельское проживание женщины;
- окончание ею школы в городе или на селе;

- частота доступа к интернету (использовался дихотомический параметр со значением 1, если женщина пользуется интернетом несколько раз в неделю, и 0 в противном случае);
- благосостояние семьи женщины.

6. Дескриптивные результаты

В таблице 1 кратко представлено распределение по поколениям тех включенных в модели параметров, которые определялись для всех респондентов вне зависимости от их брачного статуса. Как видно, более половины респонденток признали необходимость получения одобрения старших родственников при принятии ряда жизненных решений, причем доля таковых увеличивается к младшим поколениям. Здесь возможно влияние эффекта возраста, так как чем моложе индивид, тем он более зависим от старшего поколения на бытовом уровне и в финансовых вопросах. Тот «гендерный идеал», при котором доход семьи обеспечивает только муж, разделило около трети респонденток. Подавляющее число опрошенных признали важность для себя религиозных ценностей, а также сообщили, что соблюдают ключевые предписания религии. Заметных межпоколенческих колебаний в ответах на эти вопросы не выявлено. Доля работающих уменьшается от старших поколений к младшим, а доля имеющих высшее или неполное высшее образование, наоборот, растет (исключая самое молодое поколение, что объяснимо возрастом на момент опроса). Уровень доступа к интернету оказался высок во всех поколениях.

Таблица 1. Доли респондентов, давших определенные варианты ответов на вопросы анкеты по годам рождения, %

Параметры	1973— 1977	1978— 1982	1983— 1987	1988— 1992	1993— 1997	1998— 2002	Все респонденты
Проживает в городе	53,7	49,6	48,1	45,1	49,7	43,1	47,9
Окончила школу в городе	51,2	54,7	53,4	49,7	50,7	53,3	52,1
Имеет высшее или неполное высшее образование	37,8	43,8	54,7	60,06	59,7	23,7	48,7
Имеет работу на момент опроса	54,9	56,9	38,5	45,8	37,5	16,2	41,2
Требуется одобрение старших родственников, чтобы начать работать на новом месте или уволиться	45,1	35,1	51,6	53,9	62,1	85,3	55,5
Требуется одобрение старших родственников для совершения крупной покупки	46,8	48,9	51,6	56,6	61,5	87,1	58,7
Считает важным дать ребенку хорошее образование	96,3	98,5	97,5	97,4	96,5	99,1	97,6
Считает важным дать ребенку религиозное воспитание	77,6	75,8	87,0	83,0	86,9	87,8	83,4

Параметры	1973— 1977	1978— 1982	1983— 1987	1988— 1992	1993— 1997	1998— 2002	Все респонденты
Пользуется интернетом чаще, чем один раз в неделю	90,5	87,2	89,3	92,7	94,7	95,7	91,6
Считает наилучшим вариант, когда доход семьи полностью обеспечивает муж	30,6	34,9	36,1	32,1	37,9	40,0	35,4

Добавим, что параметр благосостояния семьи (не отражен в таблице) не показал значимых различий между поколениями. Распределение ответов на вопрос «Что из сказанного точнее всего описывает ваше нынешнее материальное положение?» среди всех респондентов было следующим: «с трудом хватает денег на еду» — 22 %, «хватает денег на еду и одежду, но не на бытовую технику» — 33,9 %, «хватает денег на еду, одежду, бытовую технику, но не на хороший автомобиль» — 32,1 %, «хватает денег на хороший автомобиль, но не на то, чтобы построить новый дом» — 6,3 %, «хватает денег на то, чтобы построить новый дом» — 5,6 %.

В таблице 2 кратко представлено распределение параметров, определенных только для замужних женщин. Доля женщин, на решение о браке которых влияли старшие родственники, варьирует от 35 % до 45 %. Максимум эта доля достигает среди тех, кто родился в 1993—1997 гг. и на момент опроса находился в возрасте 22—26 лет. Доля женщин, работавших после вступления в брак, от старших к младшим поколениям сокращается с 70 % до 11 %, что может быть обусловлено эффектом возраста, так как те, кто родился в 1998—2002 гг., на момент опроса были младше 22 лет и, видимо, еще не успели начать трудовую карьеру.

Таблица 2. Доли респондентов, давших определенные варианты ответов на вопросы анкеты, адресованные только замужним женщинам, по годам рождения, %

Параметры	1973— 1977	1978— 1982	1983— 1987	1988— 1992	1993— 1997	1998— 2002	Все респонденты
Самостоятельно (не по совету старших родственников) приняла решение выйти замуж	35,6	37,2	35,7	40,8	45,0	38,9	38,5
Работала после вступления в брак	69,9	65,7	53,8	48,8	41,2	11,1	48,5

7. Анализ наступления событий

Одной из существенных характеристик брачности на Северо-Восточном Кавказе является крайне низкая доля рождений вне супружеского союза (который, как мы видели выше, может быть зарегистрированным или незарегистрированным). Эта характеристика в полной мере подтвердилась и результатами опроса: из 260 женщин, заявивших, что никогда не были замужем, ни одна не сообщила, что имеет детей. При пренебрежимо низком уровне рождаемости у одиноких матерей «старт» материнства имеет смысл рассматривать как результат двух событий — вступ-

ления в первый брак и последующего деторождения. Раздельное исследование вероятностей (или рисков, что точнее с математической точки зрения) этих двух событий было осуществлено при помощи регрессий Кокса (моделей пропорциональных рисков). Преимущество такого способа анализа состояло в том, что он позволил изучить влияние различных факторов на наступление каждого из этих двух событий по отдельности.

Для проверки выдвинутых в статье гипотез были построены две модели пропорциональных рисков: (1) модель для оценки «риска» вступления в *первый брак* для всех женщин, с помесечным шагом начиная с возраста 15 лет; (2) модель для оценки «риска» *рождения первого ребенка* после вступления в первый брак — только для замужних женщин.

При построении второй модели из выборки были исключены респондентки, у которых первый ребенок родился до вступления в первый брак (таковых среди всех респондентов оказалось 3,1%) или менее чем через семь месяцев после вступления в брак — то есть зачатие произошло не в браке (4,3% от всех респондентов). Причина данного решения в том, что такая последовательность событий, по нашей оценке, с большой вероятностью сигнализирует об ошибке одного из двух типов: либо женщина, состоящая во втором браке, назвала дату его заключения вместо первого брака, в котором у нее родился первый ребенок, либо вместо даты фактического начала первого брака была названа дата его формальной регистрации.

В таблице ниже (см. табл. 3) представлены основные результаты регрессионного моделирования для обеих моделей. Из всех параметров, перечисленных в разделе 5, в таблицу включены только параметры, которые оказались статистически значимыми.

Для первой модели, в которой оценивались риски вступления в первый брак после достижения возраста 15 лет, значимыми на максимально высоком уровне (99,9%) оказались две переменные: наличие высшего или неполного высшего образования и необходимость одобрения старших при принятии решений. У женщин, имеющих высшее или неполное высшее образование, шансы вступить в первый брак на 40% меньше, чем у женщин без такого образования. У женщин, заявивших, что им требуется одобрение старших родственников при принятии значимых решений, шансы вступить в первый брак на 38% меньше, чем у тех, кто не советуется с родственниками. Для женщин, имеющих работу на момент опроса, шансы вступления в первый брак на 20% ниже, чем у тех, кто не трудоустроен (значимость на уровне 99,2%). Также оказалась значимой, но на уровне не более 90%, переменная отношения к религиозному воспитанию детей: у тех, кто считает важным давать религиозное воспитание детям, риск вступить в первый брак на 18% ниже, чем у тех, кто не считает, что это важно. То есть все переменные модели отрицательно связаны с риском женщины вступить в первый брак после достижения 15 лет.

Что касается «рисков» рождения первого ребенка после заключения первого брака, то их статистическая связь со всеми параметрами, включенными в модель, оказалась значительно более слабой, чем в модели для брака. Все ковариаты оказались значимы лишь на 90-процентном уровне. Те женщины, у которых есть работа и которые окончили среднюю школу на селе, а не в городе, демонстрируют

на 15—17 % ниже шансы рождения первого ребенка после вступления в первый союз по сравнению с нетрудоустроенными женщинами, получившими школьное образование в городской среде. Женщины, признающие важность религиозного воспитания детей, демонстрируют на 28 % более высокие шансы рождения первого ребенка, нежели те, кто считает это неважным. Те женщины, которые живут на селе на момент опроса, на 20 % чаще рожают первого ребенка после вступления в союз по сравнению с женщинами из городской местности.

Таблица 3. *Параметры моделей пропорциональных рисков (регрессии Кокса)*

Независимые переменные	Модель для вступления в первый брак после достижения 15 лет	Модель для рождения первого ребенка после вступления в первый брак
Имеется высшее или неполное высшее образование	0,598***	Незначимо
Наличие работы	0,808**	0,831*
Необходимость получать одобрение старших при принятии важных решений	0,617***	Незначимо
Признание важности религиозного воспитания детей	0,814*	1,282*
Проживание на селе	Незначимо	1,194*
Окончание средней школы на селе	Незначимо	0,845*
Модель: -2LL	4040,482***	3813,762*
Кол-во наблюдений	725	484

* значимость на 90-процентном уровне;

** значимость на 95-процентном уровне;

*** значимость на 99,9-процентном уровне.

8. Обсуждение результатов анализа

Обратимся сначала к роли таких важных с точки зрения гендерных асимметрий признаков, как образование женщины и наличие у нее работы. Они оказались значимы для вступления женщины в первый брак, но гораздо менее значимы для рождения первого ребенка после заключения брака (уровень образования для этого события, как мы видели, незначим вообще, а наличие работы значимо только на 90-процентном уровне). На фоне выполненных для России в целом исследований факторов, значимых для рождения первого ребенка, такой результат можно признать неожиданным, так как, согласно этим исследованиям, высшее образование женщины и наличие у нее работы способствуют откладыванию не только первых браков, но и рождения первого ребенка среди вступивших в первый брак [Бирюкова, Макаренцева, 2017; Митрофанова, 2019]. Вместе с тем ситуация, на которую указывает наш анализ, весьма похожа на наблюдаемую в некоторых других частях постсоветского пространства. Так, в [Kazenin, Kozlov, 2020a] показано, что в Киргизии у поколений, находящихся в настоящее

время в репродуктивном возрасте, уровень образования женщины и ее позиция на рынке труда значимы для заключения первого брака, тенденция к откладыванию которого наблюдается у высокообразованных и у работающих женщин, но для вероятности рождения первого ребенка в браке образование и трудовая деятельность женщины незначимы. Можно предположить, что и в ингушском, и в киргизстанском социумах на сегодняшний день скорейшее рождение первого ребенка после вступления в брак остается жестким императивом. «Модернизация» гендерных отношений, выражающаяся в высоком образовательном уровне женщины и ее вовлеченности в рынок труда, этого императива не отменяет, хотя может вести к откладыванию вступления в брак. То есть на двух примерах видно, что первый брак и первое рождение обладают разной «устойчивостью» перед данными модернизационными факторами. Чтобы ответить на вопрос о том, насколько распространена эта асимметрия в переходных обществах, необходимо, разумеется, более широкое исследование.

То, что зависимость женщины от старших родственников при принятии жизненных решений значима для «рисков» вступления в первый брак, но значима «с отрицательным знаком», снижая эти «риски», также может показаться неожиданным. Следует, однако, учесть, что еще два десятилетия назад для Ингушетии была характерна возрастная модель с более поздним вступлением женщин в первый брак, чем сегодня — в среднем в возрасте около 26 лет (см. раздел 4). Это позволяет утверждать, что закрепленные предыдущими поколениями нормы семейного поведения не предполагали раннего брака женщины, а, напротив, «отодвигали» его. Тогда и связь одного из признаков семейного «традиционализма» с более поздним браком выглядит закономерной. Отметим, что данные по некоторым другим частям Северного Кавказа также опровергают распространенное в литературе представление о том, что наличие в семейной практике жестких возрастных и гендерных асимметрий обязательно предполагает раннюю брачность. Так, в [Казенин, 2019б] на основе количественного опроса, проведенного в Карачаево-Черкесии, показано, что для карачаевского этноса в настоящее время в целом характерно более позднее вступление женщин в брак и одновременно большая распространенность тех же признаков семейного «традиционализма», которые мы использовали в этой статье.

Сходное объяснение могут иметь и результаты для единственного «ценностного» параметра, оказавшегося значимым, — признания важности религиозного воспитания детей. Его положительная значимость для «рисков» рождения первого ребенка вполне согласуется с имеющимися на сегодня результатами исследований разных стран мира, согласно которым личная религиозность женщины является фактором, повышающим вероятность деторождения (см. ссылки в разделе 5). С другой стороны, можно предполагать, что религиозные нормы в современном ингушском обществе в большинстве случаев воспринимаются в тесной связи с нормами традиционной культуры и семейного уклада (о взаимосвязи религии и «традиции» в современной Ингушетии см. [Павлова, 2012]). В таком случае не выглядит удивительным, что связь с «рисками» вступления в первый брак у данного параметра отрицательная: как и зависимость от старших родственников при принятии важных решений, личная религиозность указыва-

ет на следование традиционным нормам семейного поведения, включающим достаточно поздний брак.

Негативная значимость городского проживания для вероятности рождения первого ребенка согласуется с универсальными в демографии ожиданиями, что уровень рождаемости в сельской местности выше, а возраст «старта» материнства — ниже. Неожиданной является связь окончания школы в городе с большей вероятностью первого деторождения. Стоит заметить, однако, что уровень значимости обоих параметров невысок, а для вступления в первый брак эти параметры вообще незначимы. Для объяснения этих результатов требуется дополнительное, возможно, качественное исследование. Отметим, что в целом в Ингушетии слабость демографических контрастов между городом и селом, а также их «нестандартная» направленность, как в случае с окончанием школы в городе или на селе, согласуется с малыми различиями между городской и сельской частями республики по ряду социальных характеристик, таких, например, как характер расселения (по визуальным наблюдениям, не менее половины площади городов занимают объекты индивидуального жилищного строительства, мало отличимые от сельских) или роль традиционных социальных институтов (нет заметного контраста между городом и селом в общественной роли традиционных родовых структур — тейпов); подробнее см. [Kazenin, 2019].

В свете общих представлений о взаимосвязи гендерных и поколенческих асимметрий с параметрами брачности и рождаемости, результаты нашего статистического моделирования представляют интерес в следующем отношении. Они показывают, что возрастные характеристики рождаемости, связанные с традиционным семейным укладом, — это не обязательно ранняя брачность, раннее материнство и высокая рождаемость. Хотя именно такая связь до сих пор обосновывалась в имеющихся исследованиях брачно-репродуктивного поведения в различных обществах (см. раздел 2), пример Ингушетии подтверждает, что возможна и обратная связь. Причины «разнонаправленности» данной связи в разных социумах требуют, разумеется, отдельного сравнительного исследования.

9. Выводы

Количественный опрос женщин репродуктивного возраста показал, что в сегодняшней Ингушетии можно говорить о по-прежнему достаточно жестких гендерных и поколенческих асимметриях в семейной сфере, которые при этом не ослабевают от старших поколений к младшим. Ряд признаков, характеризующих уровень семейного «традиционализма», согласно проведенному статистическому анализу, значим для брачно-репродуктивного поведения населения региона. Тем самым пример Ингушетии показывает, что динамика семейного уклада в «переходных» обществах и формирующееся там отношение к традиционным семейным нормам могут оказывать влияние и на демографические перспективы таких обществ.

Одновременно было обнаружено, что степень этого влияния может быть разной для разных конкретных демографических событий. Так, в Ингушетии ослабление жестких гендерных асимметрий, выражающееся, в частности, в получении женщиной высшего образования, ее вовлеченности в рынок труда, влияет на вероятность вступления женщины в первый брак, но не значимо для вероятности первого

деторождения в браке. Анализ данных других регионов, в которых наблюдается заметный уровень «традиционализма» семейного уклада, позволит выявить закономерности влияния его признаков на демографические процессы.

Также проведенный анализ показал, что в случае, когда признаки, указывающие на «традиционализм» семейного уклада, значимы для брачно-репродуктивного поведения, они не обязательно «ускоряют» наступление соответствующих демографических событий. Возможна и противоположная ситуация, когда приверженность нормам традиционного семейного уклада связана с более поздним вступлением в брак. Именно на наличие такой возможности указывают результаты опросов в Ингушетии и в некоторых других регионах Северного Кавказа.

Список литературы (References)

Андреев Е. М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21—35.

Andreev E. M. (2012) On Accuracy of Results of Russian Censuses and Reliability of Different Data Sources. *Voprosy statistiki*. No. 11. P. 21—35. (In Russ.)

Ахиезер А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 90—100.

Akhiezer A. S. (2001) Archaization of Russian Society as a Methodological Problem. *Social Sciences and Modernity*. No. 2. P. 90—100. (In Russ.)

Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005.

Belozerov V. S. (2005) Ethnical Map of the North Caucasus. Moscow: OGI. (In Russ.)

Бирюкова С. С., Макаренцева А. О. Оценки «штрафа за материнство» в России // Население и экономика. 2017. Т. 1. № 1. С. 50—70.

Biryukova S. S., Makarenceva A. O. (2017) Assessments of the “Motherhood Penalty” in Russia. *Population and Economics*. Vol. 1. No. 1. P. 50—70. (In Russ.)

Варшавер Е. А., Круглова Е. А. «Коалиционный клинч» против исламского порядка: динамика рынка институтов разрешения споров в Дагестане // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 3. С. 89—112.

Varshaver E. A., Kruglova E. A. (2015) “Coalitionary Clinch” vs. Islamic Order: Institutional Dynamics of Conflicts Regulation in Daghestan. *Economic Policy*. Vol. 10. No. 3. P. 89—112. (In Russ.)

Демографическая модернизация России, 1990—2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006.

Vishnevsky A. G. (ed.) (2006) Demographic Modernization of Russia, 1990—2000. Moscow: Novoe Izdatelstvo. (In Russ.)

Казенин К. И. Элементы Кавказа: Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М.: REGNUM, 2012.

Kazenin K. I. (2012) Elements of the Caucasus: Land, Authority and Ideology in Republics of the North Caucasus. Moscow: REGNUM. (In Russ.)

Казенин К. И. Регулирование земельных отношений в Дагестане: социально-экономические предпосылки «традиционализации» // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 3. С. 113—133.

Kazenin K. I. (2015) Land Regulation on Dagestan: Socio-Economic Preconditions of "Traditionalization". *Economic Policy*. Vol. 10. No. 3. P. 113—133. (In Russ.)

Казенин К. И. Миграция северокавказского населения с гор на равнину: вызовы разнообразия // Журнал исследований социальной политики. 2019а. Т. 17. № 1. С. 23—38. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-23-38>.

Kazenin K. I. (2019a) Migration from the Mountains to the Valley in the North Caucasus: Challenges of Diversity. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 23—38. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-23-38>. (In Russ.)

Казенин К. И. Традиционализм семейного уклада и возрастные характеристики брачности: о чем говорит пример Карачаево-Черкесии // Демографическое обозрение. 2019б. Т. 6. № 3. С. 98—127. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i3.9857>.

Kazenin K. I. (2019b) Family Traditionalism and Age-Specific Nuptiality Patterns: What Does the Example of Karachay-Cherkessia Point To? *Demographic Review*. Vol. 6. No. 3. P. 98—127. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i3.9857>. (In Russ.)

Казенин К. И., Козлов В. А. Омоложение материнства в Дагестане: тенденция или артефакт? Предварительные результаты обследования сельского населения // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 3. С. 100—123. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i3.1748>.

Kazenin K. I., Kozlov V. A. (2016) Rejuvenation of Motherhood in Dagestan: a Tendency or and Artefact? Preliminary Results of a Survey of Rural Population. *Demographic Review*. Vol. 3. No. 3. P. 100—123. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i3.1748>. (In Russ.)

Казенин К. И., Козлов В. А. Особенности брачно-репродуктивного поведения населения в Республике Дагестан: их причины и социально-экономические последствия // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 2. С. 65—81.

Kazenin K. I., Kozlov V. A. (2017) Specificity of Marital and Reproductive Behavior in the Republic of Dagestan: Their Reasons and Socio-Economic Consequences. *Bulletin of the Institute of Economic, Russian Academy of Science*. No. 2. P. 65—81. (In Russ.)

Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011.

Karpov Yu. Yu., Kapustina E. L. (2011) Mountaineers after Mountains. Migration in Dagestan in the 20th — Beginning of the 21th Centuries: Its Social and Cultural Consequences and Perspectives. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.)

Кисриев Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане. М.: ОГИ, 2004.

Kisriev E. F. (2004) Islam and Power in Dagestan. Moscow: OGI. (In Russ.)

Митрофанова Е. С. Социодемографические аспекты перехода во взрослую жизнь россиян 1930—1986 г. р.: дисс. ... канд. соц. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2019.

Mitrofanova E. S. (2019) Socio-Demographic Aspects of Entering Adulthood for Russians Born in 1930—1986. PhD Dissertation in Sociology. Moscow: National Research University Higher School of Economics. (In Russ.)

Мкртчян Н. В. Миграция на Северном Кавказе сквозь призму несовершенной статистики // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 7—22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-7-2>.

Mkrтчyan N. V. (2019) Migration in the North Caucasus and the Accuracy of Statistics. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 7—22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-7-2>. (In Russ.)

Павлова О. С. Ингушский этнос на современном этапе. Черты социально-психологического портрета. М.: Форум, 2012.

Pavlova O. S. (2012) Ingush People Today. A Socio-Psychological Portrait. Moscow: Forum. (In Russ.)

Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в бывшем СССР. М.: ОГИ, 2001.

Polian P. M. (2001) Not on Their Own Will... The History and Geography of Forced Migrations in Former USSR. Moscow: OGI. (In Russ.)

Стародубровская И. В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 39—56. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56>.

Starodubrovskaya I. V. (2019) The Crisis of the Traditional North Caucasian Family in the Post-Soviet Period and its Social Consequences. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 39—56. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56>. (In Russ.)

Стародубровская И. В., Казенин К. И. Граница времен. Как протесты меняют ингушское общество // Polit.ru. 2019. 28 марта. URL: <https://polit.ru/article/2019/03/28/ingushetia> (дата обращения: 03.09.2020).

Starodubrovskaya I. V., Kazenin K. I. (2019) The Boarder of Times. How the Protests Change Ingush Society. *Polit.ru*. March 28. URL: <https://polit.ru/article/2019/03/28/ingushetia> (accessed: 03.09.2020). (In Russ.)

Beteta H. C. (2006) What is Missing in Measures of Women's Empowerment? *Journal of Human Development*. Vol. 7. No. 2. P. 221—241. <https://doi.org/10.1080/14649880600768553>.

Bongaarts J., Mensch B. S., Blanc A. C. (2017) Trends in the Age at Reproductive Transitions in the Developing World: The Role of Education. *Population Studies*. Vol. 71. No. 2. P. 139—154. <https://doi.org/10.1080/00324728.2017.1291986>.

Dyson T., Moore M. (1983) On Kinship Structure, Female Autonomy, and Demographic Behavior in India. *Population and Development Review*. Vol. 9. No. 1. P. 35—60. <https://doi.org/10.2307/1972894>.

- Guilmoto Ch. Z. (2012) Son Preference, Sex Selection, and Kinship in Vietnam. *Population and Development Review*. Vol. 38. No. 1. P. 31—54. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2012.00471>.
- Gruber S., Szołtysek M. (2012) Quantifying Patriarchy: An Explorative Comparison of Two Joint Family Societies. *Max Planck Institute for Demographic Research Working Paper WP 2012—017*. URL: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2012-017.pdf> (accessed: 03.09.2020).
- Hajnal J. (1953) Age at Marriage and Proportions Marrying. *Journal of Population Studies*. Vol. 7. No. 2. P. 111—136. <https://doi.org/10.1080/00324728.1953.10415299>.
- Heaton T. B. (2011) Does Religion Influence Fertility in Developing Countries. *Population Research and Policy Review*. Vol. 30. No. 3. P. 449—465. <https://doi.org/10.1007/s11113-010-9196-8>.
- Kabeer N. (2005) Gender Equality and Women's Empowerment: A Critical Analysis of the Third Millennium Development Goal 1. *Gender & Development*. Vol. 13. No. 1. P. 13—24. <https://doi.org/10.1080/13552070512331332273>.
- Kazenin K. (2019) Marriage in Ingushetia: Intergenerational Changes and Their Possible Causes. *Population and Economics*. Vol. 3. No. 4. P. 45—46. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e49763>.
- Kazenin, K., Kozlov, V. (2020a) Survey Responses on Desired Fertility in Patriarchal Societies: Community Norms vs. Individual Views. *Comparative Population Studies*. Vol. 45. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2020-1>.
- Kazenin K., Kozlov V. (2020b) What Factors Support the Early Age Patterns of Fertility in a Developing Country: The Case of Kyrgyzstan. *Vienna Yearbook for Population Research*. Vol. 18. P. 1—29. <https://doi.org/10.1553/populationyearbook2020.res04>.
- Knodel J., Gray R. S., Sriwatcharin P., Peracca S. (1999) Religion and Reproduction: Muslims in Buddhist Thailand. *Population Studies*. Vol. 53. No. 2. P. 149—164. <https://doi.org/10.1080/00324720308083>.
- Larsen U., Hollos M. (2003) Women's Empowerment and Fertility Decline Among the Pare of Kilimanjaro Region, Northern Tanzania. *Social Sciences & Medicine*. Vol. 57. No. 6. P. 1099—1115. [https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(02\)00488-4](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(02)00488-4).
- Lerch M. (2013) Patriarchy and Fertility in Albania. *Demographic Research*. Vol. 29. No. 6. P. 133—166. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.6>.
- Lesthaeghe R. (1983) A Century of Demographic and Cultural Change in Western Europe. *Population and Development Review*. Vol. 9. No. 3. P. 411—435. <https://doi.org/10.2307/1973316>.
- Lesthaeghe R., Surkyn J. (1988) Cultural Dynamics and Economic Theories of Fertility Change. *Population and Development Review*. Vol. 14. No. 1. P. 1—45. <https://doi.org/10.2307/1972499>.

- Lopez-Claros A., Zahidi S. (2005) Women's Empowerment: Measuring the Global Gender Gap. Cologny; Geneva: World Economic Forum. URL: http://cite.gov.pt/asst-scite/downloads/disp_salariiais/gender_gap.pdf (accessed: 03.09.2020).
- Malhotra A., Vanneman R., Kishor S. (1995) Fertility, Dimensions of Patriarchy, and Development in India. *Population and Development Review*. Vol. 21. No. 2. P. 281—305. <https://doi.org/10.2307/2137495>.
- Mason K. O. (1987) The Impact of Women's Social Position on Fertility in Developing Countries. *Sociological Forum*. Vol. 2. No. 4. P. 718—745.
- Morgan S. P., Niraula B. B. (1995) Gender Inequality and Fertility in Two Nepali Villages. *Population and Development Review*. Vol. 21. No. 3. P. 541—561. <https://doi.org/10.2307/2137749>.
- Mosedale S. (2005) Assessing Women's Empowerment: Towards a Conceptual Framework. *Journal of International Development*. Vol. 17. No. 2. P. 243—257. <https://doi.org/10.1002/jid.1212>.
- Nedoluzhko L., Agadjanian V. (2015) Between Tradition and Modernity: Marriage Dynamics in Kyrgyzstan. *Demography*. Vol. 52. No. 3. P. 861—882. <https://doi.org/10.1007/s13524-015-0393-2>.
- Phan L. (2016) Measuring Women's Empowerment at Household Level Using DHS Data of Four Southeast Asian Countries. *Social Indicators Research*. Vol. 126. No. 1. P. 359—378. <https://doi.org/10.1007/s11205-015-0876-y>.
- Salway S. M. (2007) Economic Activity among UK Bangladeshi and Pakistani Women in the 1990s: Evidence for Continuity or Change in the Family Resources Survey. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 33. No. 5. P. 825—847. <https://doi.org/10.1080/13691830701359256>.
- Westoff C. F., Frejka T. (2007) Religiousness and Fertility among European Muslims. *Population and Development Review*. Vol. 33. No. 4. P. 785—809. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2007.00197.x>.
- Wu X., Ye H., He G. G. (2014) Fertility Decline and Women Status Improvement in China. *Chinese Sociological Review*. Vol. 46. No. 3. P. 3—25. <https://doi.org/10.2753/CSA2162-0555460301>.